

Май. Но погода снова не весенняя. Тучи будто зависли над городом, низкие, грузные, дородные, будто бабы на сносях. Вроде бы пора уже и теплом весне разродиться, да никак все не случается, оттягивается на неопределенный срок. Были попытки, слегка солнышко проглядывало, но потом быстро пряталось, и снова холодная, злая, будто свинцовая крупка с небес просыпалась вперемешку с дождем. И потому снег, хоть и осел, почернел весь, но до конца так и не сходил, лежал тяжелыми угрюмыми ледяными пластами, как в летнике, лежал среди кущей, торчащих прутьями насаженных вдоль домов кустов сирени.

Из гаража, что чуть поодаль от детской площадки, несмотря на такую невесеннюю погоду, с утра доносится бодрая весенняя ругань. Калитка в гараже открыта настежь, и хотя самих говорящих не видно, отчетливо слышно каждое слово. Судя по всему, их двое, и я даже знаю — кто они.

— Заладили по ящику: «Афган, Афган...» Вот тебя звал кто в тот Афган!?

- Меня не звали, и не спрашивал никто. Родина приказала...
- Родина... твою мать!..
- А что ты-то лично имеешь против Родины!?. Обидели его...
- Потоптал бы зону с мое, понял бы...
- Тебя звал кто на ту зону... Причем здесь Родина, если сам накосячил...

Это мои соседи с утра воют — летчик Нестеров и Коля Цыган.

Оба они по жизни мужики нормальные, в одном доме живем как-никак, но вот мирно у Нестерова с Колей никак не получается, сколько знаю, все время они не то чтобы собачатся, так, переругиваются, но бесконечно и постоянно. Впрочем, друг без друга они тоже не могут, каждый день у Коли в гараже-голубятне сидят, особенно после того, как Нестеров на пенсию окончательно оформился. До пенсии-то он, как Цыган говорит, «деловой был», все у него какие-то встречи, собрания, заседания — то в школе с ребяташками, то в библиотеке по поводу какого-нибудь очередного праздника — везде Нестерова приглашают. Впрочем, на пенсии он давно, им, военным летчикам, пенсия раньше положена, но Нестеров до недавнего времени работал в комитете ветеранов.

Однако нынче отошел он от дел ветеранских, махнул рукой, хватит, мол, пора и честь знать. Да и «мотор» сбоить стал, все чаще напоминает о себе «налетанный» стаж. Так и говорит:

— Налетал я свое уже. Теперь самое место с вами, с пенсионерами, просиживать...

Впрочем, зря Нестеров это, мне до пенсии еще работать и работать, да и Цыган не на пенсии, какая пенсия ему, сроду нормально нигде трудоустроен не был, лет пять по зонам, десять — по шабашкам да северам, а сейчас он во вневедомственной охране служит, охраняет магазин — сутки через трое.

Он, Цыган, хоть и дураковатый порой, но больше прикидывается, а иногда так выдать может, как с неба «привет» от голубки: прилетит — не отскребешь.

Допустим, недавно про весну нынешнюю так высказался:

— Весна нынче, что баба дурная — ни себе, ни мужику не дает... Сеять пора, а погоды нету.

— Се-еять... Ты-то почем знаешь, кре-стьянин строгого ре-жима!..

— Знаю значит. Не все вам — полковникам!..

О количестве Колиных ходок можно судить по колотым пер-стням на пальцах, здесь-то вся «трудовая» его биография запеч-атлена.

Вообще-то, в первый раз сел Цыган, как все, — по дурости, с друзьями, такими же сопляками, как он сам был, киоск продук-товый подломили, и взять толком ничего не взяли, а шуму по-наделали. Другие пацаны пошустрее оказались, убежали, а Колю повязали с поличным. В ментуре молчал он геройски, нико-го не сдал. Вот и перстень на пальце у него с солнцем, которое из-за черного треугольника наполовину выглянуло — память о малолетке.

А вот другой, два квадрата — черный с белым — «не подам руки менту», стало быть. У него тоже своя история. Этот перстенок ему на взрослой зоне земляк Васька-тубик наколол. Васька потом по УДО откинулся, да недолго воздухом свободы дышал, так все и кхыкал, пока в туберкулезке месяца через два не загнулся.

Есть у Цыгана и полный черный квадрат, это когда «от звонка до звонка». Тут вообще грустно, рассказывать не хочется...

Впрочем, Коля и не рассказывает про зону, ничего и никому. Это уж я так, по секрету знаю, почитай с самого детства вместе растем, только он старше чуть, потому и может себе позволить со мной этак — «на правах старшего» — разговаривать, допу-стим, скажет:

— Чего расселся, сгоняй-ка за пивом!

— Тебе приспичило, сам и сгоняй.

— Молодежь, мать твою...

Коля замолкает. Не то чтобы обиделся он, просто, о чем со мной, таким грубым и нечутким, разговор вести. По-лучается, что не о чем, если я даже его элементарной утренней похмельной дрожи по-человечьи посочувствовать не могу.

Мы заполняем вынужденную паузу, курим. Сидим у Колиного гаража-голубятни, который он недавно откуда-то притащил сюда к дому. Обыкновенный железный гараж, небольшой, старый, внутри его Коля старыми матрацами обшил, чтоб голуби зимой

не мерзли. Голубей у него много: белые, сизари... гладкие, с лохмами на ногах, будто в сапогах с отворотами, сидят на шестке...

Голубей Коля любит, а когда запустит всех их сразу в небо, — улетит вверх распахнутыми, голубыми с хитринкой глазами, такие обычно у детей бывают, когда увидят что-то радостное и необычное,

— Гляди-гляди, парочка белых вверх пошла! Чисто самолеты!..

Вот и сейчас захожу в гараж-голубятню, вместо приветствия говорю:

— Сидим...

— Сидеть сам будешь, когда посадят. — Это Коля. — А мы здесь делами заняты...

— Понятно, деловые... На двоих соображаете?

— А ты чё, третьим встрять хочешь? Сгоняй-ка за пивом!

— Тебе приспичило...

— А-а... — Коля машет рукой. — Молодежь... Дождешься от тебя. Ладно...

Цыган бросает взгляд вверх, говорит нам с Нестеровым:

— Гляди-гляди, белые... Самолеты!..

За голубями, конечно, лучше в хорошую погоду наблюдать, когда небо чистое, не такое, как сегодня. Но даже на фоне этих темнеющих туч, парочка белых — просто красавцы, и тучи только подчеркивают контраст этого их полета с громоздкой уютной сиротливостью в природе и в душе. Нестеров с утра немногословен, а тут как-то вообще замолчал, задумался надолго, глядя в небо...

В 1988-м назначили Нестерова командиром эскадрильи, а буквально месяца через два вызвали в штаб и сказали: «Так, ребята, готовьтесь, надо менять в Афгане полтавский полк!» Неожиданно прозвучало. Но приказы не обсуждают. «Вот — маршрут перелета, — говорят. — Собирайтесь. И — вперед! Жить будете в гостинице, так что мягкие тапочки не забудьте...»

Как сейчас помнит Нестеров, прилетели на место, аэродромчик маленький. До них на этом аэродроме истребители базировались. Как садиться? Взлетно-посадочная полоса 2,5 км длиной на 32 м шириной, совсем даже не для тяжелых самолетов.

Допустим, если сравнить с Семипалатинской полосой, там 4 км на 80 м. А тут... Конечно, сложно было, но привыкли. Потом уже нормально и садились, и взлетали.

Маршруты там, в Афгане, короткие складывались, потому летали не с полной нагрузкой: заправку керосина определяли по расчетному времени полета, и по боеприпасам — обычно брали две бомбы трехтонки или четыре полуторки. Вообще-то, 24 тонны на такой самолет навесить можно...

Бомбили в основном по ущельям. Сбросишь бомбы вниз — снег сойдет, и всех духов вместе с техникой в ущелье сдувает. Задача выполнена, путь для наземных войск свободен... Или еще дают им координаты, мол, база тут. А там — одни скалы, в них ходы да пещеры понаделаны. Ударишь по этим скалам, все породой и засыплет. Говорят, те завалы, которые они с товарищами понаделали, лет тридцать разбирать надо...

Иногда Нестеров дома, когда один, фотографии афганские перебирает, впрочем, и без фотографий эти картины у него до сих пор перед глазами: вот бомба-девятитонка, когда она вниз уходит, самолет точно на волне вверх поднимает, а рядом с ней правый летчик Витя Стахов, Саша Голбенко, его заместитель, и он — Нестеров. Или вот, один летчик из их эскадрильи на цветную пленку снимал, пара в небе идет — красиво!..

Так же в Афгане шли они парой с Василием — товарищем по учебке. Нестеров даже ничего понять не успел, самолет друга вдруг задымил и пошел резко вниз. В Баграме это было...

Как потом Нестеров понял, это афганцы из стингера сработали, из-за сопки. Они с Василием только на взлет пошли, высоту набирать, а тут... Из стингера далеко — до четырех километров — самолет достать можно. Что греха таить, поначалу духи тамошние только так наших и щелкали.

Это потом уже наши отработали «афганскую» систему посадки, выводили самолет над точкой и снижались по спирали диаметром не более трех километров. С заданной скоростью, с выпущенными шасси, с выдвинутыми закрылками...

То ли в связи с этим вспомнил Нестеров забавный случай, застал он как-то Цыгана за странным занятием, сидит Коля за кустом

сирени с рогаткой и что-то у своей голубятни выцеливает. Тщательно выцеливает, так, что, похоже, даже подошедшего Нестерова и не заметил. А тому подумалось: «Вот так же душманы, наверное, за сопками сидели, ждали, пока мы с Василием взлетать будем...»

Поморщился Нестеров, Колю так тихонечко по плечу сзади постукал:

— С кем воюешь, душман?

Напугал Колю, тот оглянулся дико, глазенки горят, а голос дрожит, даже заикаться начал:

— А-а!.. Т-ты ч-чѐ!.. — Видать, и правда, не заметил, как Нестеров подошел, но с явным недовольством оглянулся и прошипел еще так: — Сам ты душ-шман афганский, мать твою... Спугнеш-шь ведь!..

— Ка-во?

Коля опустил оружие и безнадежно махнул рукой.

— Ну вот, блин, ходят тут всякие!..

— Ага, а потом голуби пропадают... — сыронизировал Нестеров.

Как-то грустно Коля на него глянул, точно на ребенка, который не может понять что-то очень простое. Однако после некоторого молчания объяснил:

— Пропадают... Крыса в гараже завелась. Сегодня голубку придушенную нашел...

— Понятно... — вздохнул Нестеров, а про себя решил, зря он так на Колю, не душман он вовсе, скорее, наоборот. Хотел было даже извиниться перед ним вслух, только не понял бы Коля за что, ведь ничего Нестеров ему не сказал. Впрочем, мысленно все же извинился. А так промолчал, глянул вверх на голубей, которые кружили высоко. По привычке прикинул расстояние на глаз и подумал о них, как о самолетах: «Нет, этих стингером, пожалуй, не достанут...»

Пока мы с Нестеровым любимся парой белых, рисующих на тучах круги, Цыган где-то уже отыскал «сынка» лет семнадцати. В самом деле, не Нестерова же за пивом посылать, он как-никак — подполковник, в Афгане служил. Коля хоть и переругивается с Нестеровым, но уважает, даже немного побаивается, пожалуй. Ну и я не пойду, известное дело — «хоть и молодежь, но с норовом». Сунул Цыган «сынку» мелочь и наставляет:

— За пивом сгоняешь. Видишь, люди отдыхают. Только «Жигулевское» не бери, оно вчерашнее. Бери «Чешское», «Чешское» с утра выгружали, сам видел...

Парень Коле отказать не может, Цыган в авторитете у всей мелкой шпаны в округе, да и разговаривает он с молодым голосом, не терпящим никаких возражений, как бы незримо добавляя, припечатав всеми своими наколотыми перстнями сразу:

— Цыган сказал!

Пиво пьем втроем — Нестеров, я и Цыган — здесь же, в гараже. «Сынка» Коля сразу прогнал:

— Нечего взрослым разговорам мешать! Да и пиво молод еще с серьезными мужиками распивать...

Цыган хоть строг, но щедр, дал парню какую-то мелочь:

— Иди-иди. Конфет вот подруге купишь... Есть подруга-то?..

В гараже сладковато пахнет птичьим пометом, под потолком воркуют голуби, те, которые сегодня не захотели летать, впрочем, Коля и не настаивает — не хотят и не надо, холодно нынче там — в небе.

Сидим втроем в голубятне, пиво потягиваем. Что еще в такую погоду делать? По «ящику» тоже смотреть нечего, тоска какая-то идет без перерыва. То боевики, то ураган, то наводнение, а то и шоу какое-то дурацкое — много их нынче развелось, все на одно лицо. И будто бы люди ходят, разговаривают о чем-то, а сами то и дело смотрят, как соседа ловчее «кинуть»... Да еще и нравоучают при этом, вот, мол, природа наша такая, что в таких экстремальных ситуациях нами жадность да похоть движет, да еще жажда славы...

Хочется ответить порой «ящику», чего всех по себе-то... но с ним, с «ящиком», спорить — что до Бога в нашей глухомани докричаться. Так что — «заплати налоги и спи спокойно», увы, ничего более умного в голову как-то не приходит.

Впрочем, так легко от «ящика» не отвяжешься, к вечеру заходишь домой, руки сами тянутся к пульту, умом понимаешь, не надо его включать, опять какое-нибудь дерьмо оттуда польется, а руки-то вот они...

Чего только в мире не творится, в мире, но не у нас. А у нас, если местные газеты почитать — а других нет — тишь да гладь,

салют да праздник, невольно вспомнишь профессора Преображенского: «Значит, никаких не читайте».

Недавно вот сказали, в Казани «Боинг» наш упал, вернее ихний, американский, «Боинг», на котором негры в Африке лет пятнадцать отлетали, а теперь он нашей российской авиакомпании передан, потому как неграм уже страшно на нем летать, а нашим можно — мы привычные, лишь бы взлетал, авось сядем. При посадке и упал, 50 человек — как корова языком, экипаж и все пассажиры. Что-то в последнее время они часто падать стали...

Хотел я про это у летчика Нестерова спросить, почему, мол? По «ящику»-то всякое наговорят. Но Нестеров на эту тему даже разговаривать отказался. Так сказал:

— Не люблю я досужих разговоров. Вот когда ящики найдут с бортовыми самописцами, расшифруют записи, когда факты будут, тогда и без домыслов все понятно станет... А так, болтовня одна!

Сказал как отрезал. Он, Нестеров, может. И право имеет, потому как, хоть и не тот Нестеров, что мертвую петлю изобрел, но летчик, военный, подполковник запаса, боевые награды за Афган имеет.

Как-то помню, к нему журналистка из газеты пришла, интервью брать, а Нестеров в веселом расположении духа был — вообще, он по жизни приколист, да и журналистка та, ко всему, молоденькая, симпатяшка такая — вот он сходу и пошутил с серьезным лицом, как умеет:

— Нестеров? Мертвая петля?.. Не-е, это не я, это дед мой. — Заметив, что девчужка уже купилась и приготовилась вопросы разные задавать, добавил, улыбнувшись: — Шучу, конечно, тот легендарный Нестеров, который первым «мертвую петлю» сделал, со мной просто однофамилец. Так уж получилось... — И руки развел, извиняясь как бы.

Вообще, он хоть и нарочито разговорчив временами бывает, когда в настроении, даже ироничен, но много из него о том же Афгане не вытянешь. Другое дело — о службе в Союзе, об училище...

Как и многие мальчишки пятидесятых-шестидесятых, он с самого детства мечтал летчиком стать. Еще когда в школе учился. Как он сам обмолвился однажды, в их классе из тринадцати парней, по крайней мере, двенадцать точно в летчики хотели пойти.

В соседнем с нами городе тогда в аккурат летное училище только открылось, и парни буквально бредили, летчик — это было круто!

А в 10-м классе, когда приписную проходили, им сказали: «Ребята, мы понимаем, что все вы хотите в летчики пойти, но реально на что-то претендовать из вас могут только пятеро».

В итоге — комиссию двое прошли: Нестеров и еще один парень из их класса. Тот, второй, в авиационное техучилище поступил, а Нестеров, как и мечтал, поехал поступать в летное.

Вот и сейчас мы с Цыганом как-то издали развели его на рассказ.

Рассказывает Нестеров, неторопливо потягивая пиво, словно специально затягивая историю, чувствует наш интерес, вот и смакует слова, да нет, точно специально:

— В училище мы жили за забором, в казармах рядом с учебными корпусами. Дисциплина была строгая, армия есть армия. За территорию отпускали нечасто, в основном по выходным в увольнение...

— Как на зоне... — встречается, было, Цыган.

— На зоне... — Нестеров презрительно кривит улыбку. — Сравнил задницу с пальцем.

Какое-то время он молчит — молчит и Коля, понимая, что сейчас лучше не вмешиваться — потом точно нехотя продолжает:

— А с апреля мы обычно выезжали на летную практику. После первого курса, помню, в Алейске были. Там рядом ракетные шахты располагались, глубокие такие, для запуска межконтинентальных... Сверху когда на них смотришь, они на запятые похожи. Нам строго-настрого запрещали над ними летать, тогда это все было ССС — совсем совершенно секретно...

И опять Нестеров пиво потягивает, молчит нарочито сосредоточенно, то ли интерес подогреть старается, то ли сам он сейчас где-то в своих воспоминаниях. Вполне может быть, что именно в этот момент он как раз мысленно шахту стороной облетает.

Помолчав так, приступает к новой главе повествования:

— На третьем курсе летали мы на боевых самолетах, уже в Славгороде. На штурмовиках ИЛ-28. Ну а к четвертому разделению началось: кто-то на ИЛах специализировался, кто-то на ЯК-28...

После училища по распределению попал Нестеров в гарнизон Иркутской области, там отлетал чуть больше десяти лет. Потом снова учеба на курсах командиров, после курсов вернулся к себе в часть...

И снова Нестеров привычно и надолго замолкает, я уже как-то привык к его этой манере общения, жду, знаю, сейчас промолчится и приступит к очередной главе:

— Где-то в середине 80-х в войсках началась ротация летного состава. Те летчики, которые прослужили более десяти лет на Востоке, могли написать рапорт о переводе в европейскую часть страны...

Тогда-то и попал Нестеров под Оршу, в гарнизон Балбасово.

— С этого аэродрома в Балбасово, где мы базировались, еще немцы в Великую Отечественную на Москву летали. Там, недалеко от аэродрома, до сих пор остались здоровенные воронки от наших, русских, бомб. Это наши аэродром бомбили, когда войска третьего Белорусского в сорок четвертом Оршу освобождали. Со временем в этих воронках образовались небольшие озера, и мы с парнями после полетов часто ходили туда купаться. Осколков от этих бомб там кругом – что камешков на берегу, много мы их находили. У меня раньше они где-то дома валялись, но потом сын куда-то порастерял...

Нестеров рассказывает, а Цыган точно закемарил, поутих, но вижу — слушает, хоть и виду не подает. Сиделый-то он, Коля, сиделый, но про войну, как и я, — только понаслышке...

Впрочем, насчет войны у меня опыт даже поболее Колиного будет. По окончании политехнического института, еще молодым специалистом, пришел я работать на химический комбинат. По результатам защиты дипломного проекта государственная экзаменационная комиссия рекомендовала меня на работу в научно-исследовательскую лабораторию производства,

где готовили комплекующие для межконтинентальных баллистических ракет. Думал, буду заниматься наукой в этом направлении, но на практике все иначе получилось. Поскольку лаборатория была заводская, занимались мы в основном сбором статистических данных для нашего профильного НИИ, о науке никто и не вспоминал. Да и работники института относились к своим коллегам-производственникам не иначе как к дополнительному штату лаборантов, приезжали, давали нам ЦУ, БЦУ и ЕБЦУ, так у нас шутливо называли «ценные указания», «более ценные указания» и «еще более ценные указания».

К тому же в то время на комбинате запускалось совершенно новое производство, и меня, вместе с другими молодыми инженерами командировали туда в качестве слесарей для монтажа технологического оборудования. Сроки запуска поджимали, поэтому вокруг царила суеда и неразбериха, нас перебрасывали с одного участка на другой, не везде был полный комплект документации, все дорабатывалось буквально на ходу. В «голове» технологической цепочки оборудование уже обкатывали, а «хвост» еще и не начинали монтировать. Мы, вновь испеченные инженеры-слесари, под руководством более опытного наставника, которого звали Ефтифей Калинович, пытались сопрячь какой-то насос импортного производства с нашим российским электродвигателем. Чтобы соединить их, необходимо было снять подшипник с вала насоса. Действовали по-русски, с помощью лома, кувалды и упоминаний чьей-то, опять же российской, матери. Не получалось. Подшипник крепко сидел на своем месте.

— Ну, хватит, — наконец махнул рукой Калиныч. — Пойдем документацию поглядим.

— Чего ты там поймешь-то? — возразил ему третий наш напарник Толя, такой же «зеленый» молодой инженер, как и я. — Она же по-импортному, поди, написана?

— Ну и что, — резонно ответил Калиныч. — Ты же инженер, там — цифры, схемы...

Он и вправду разобрался в документации на удивление быстро.

— Ну вот, — объяснил нам он, — тут специальный гидросъемник нужен с усилием не менее трех тонн. Короче, пошли курить на проходную...

Старших надо слушать, так нас воспитывали, и мы с Толиком поплелись за Калинычем. От здания отошли метров, наверное, тридцать, когда за спиной жахнуло. Раз, второй, третий... Обернувшись, я увидел облако пыли вверху, почти над собой, а впереди уже на приличном расстоянии мелькали спины Толика и Калиныча.

Добежали мы быстро. До какого-то передвижного вагончика-мастерской, по-моему, это был вагончик сварщиков, впрочем, в тот момент мне было абсолютно все равно. Мы буквально распластались по стенке вагончика с обратной стороны. Почти одновременно с нашим распластыванием по крыше вагончика застучали осколки стекла и камни. Переждав несколько «бахов», мы отбежали подальше от здания и пошли в сторону проходной. По пути нагнали мастерицу с соседнего здания, она бегала в панике вокруг раненого мужика-строителя, не зная, что предпринять. А у него из-под рукава спецовки быстро стекала струйка крови. Толик решительно оторвал рукав от нательной манишки, мы перетянули раненому руку и помогли довести его до медпункта. Как выяснилось потом, он с передвижной строительной вышки красил соседнее здание, и упавший осколок стекла разрезал ему вену. Но выяснилось это позже, уже при «разборе полетов».

Курить нас, конечно, не выпустили — проходная была перекрыта, к тому же заблокировали все внешние телефоны. Чуть позже с каждым из тех, кто в то время находился на территории, беседовали особысты, выясняли — кто и где находился в момент взрыва.

Домой я попал уже вечером. Меня встретила жена со слезами на глазах. Взрыв она слышала, не могла не слышать, рвануло сильно, и еще ей позвонила подруга, которая работала в больнице, и спросила вполне искренне:

— У тебя муж где сейчас работает? Там-то, там-то? А там взрыв был, оттуда раненых привозят, но ты не волнуйся, твоего пока не привозили...

Слава Богу, по счастливой случайности — а на территории в момент взрыва людей было полным-полно — все обошлось небольшими ранами и царапинами, жертв не было. Но для меня это стало хорошим предостережением, оборонка — дело серьезное, здесь не шутят. Особенно это было понятно, когда я смотрел

на направляющие взорвавшегося здания из массивного стального проката, скрученные винтом. Они одиноко торчали кверху на месте бывшего здания, стен между ними уже не было...

Ближе к полудню неожиданно выглянуло солнце. Цыган «проснулся», как-то приободрился и давай голубей из гаража выгонять. Там, в гараже, наверху над воротами, специальный вылет для них, вроде клетки. Коля дверцы у клетки распахнул и:

— Кыш! Кыш!..

Голуби, громко хлопая крыльями, взмывают в небо.

— Кыш! Кыш! — подбадривает их криками Цыган.

Он сам, как птица, машет руками, подпрыгивает, как мальчишка, а глаза при этом у Коли веселые-веселые, не как обычно. Похоже, что Коля и сам с этой шумной, хлопающей крылами стайей готов в небо взлететь. Но голуби взлетают, кружат там, в небе, а Коля остается на земле.

— Ну что? — весело спрашивает он нас. — Видали, как пошли! А белый, белый, глянь какие бабочки нарезает!.. Красота!

Действительно, испытываешь какой-то мальчишеский восторг, когда смотришь туда, в небо, и слушаешь Колю. И даже не знаешь, от чего больше этот восторг тебе передается: то ли от голубиных «бабочек» в небе, то ли от Колиных выкриков и подпрыгиваний здесь, на земле,

— Смотри-смотри, во-о дает! Это он перед голубкой так красуется-выделяется! А она-то, она, будто и не замечает его!..

Ближе к семи часам после полудня солнце садится, красиво озаряя верхушки зданий и тополей красным цветом. Отблескивают окна верхних этажей, бросая спящие отраженные лучи прямо в глаза.

Пиво выпито. В гараже непривычно тихо. Цыган задумчиво сидит на стареньком, кем-то выброшенном диване, который недавно самолично перетащил сюда в голубятню. Нестеров тоже задумчив. Оба молчат. Я невольно молча сижу рядом с ними, смотрю на парящих в небе голубей, которые в этот момент невероятно красивы и торжественны.

Довольно странное у нас возникает молчание. Вроде бы все обговорено, все уже переругано, здесь, на земле... Особенно

между Нестеровым и Колей, но небо они не делят, не хотят делить. Небо неделимо. Оно большое и для всех.

И компания у нас странная какая-то: один делал все, чтобы запускать ракеты, другой летал в этом небе и бомбы бросал на других... третий — голубей, вот, запускает. И он в своем занятии, пожалуй, из всех нас наиболее близок к этому небу...

А небо у нас одно на троих.